

Дина Рубина

Иерусалимцы

*Часть сборника
Алы перелетный (сборник)*

Дина Рубина
Иерусалимцы

«ЭКСМО»

Рубина Д. И.

Иерусалимцы / Д. И. Рубина — «Эксмо»,

ISBN 978-5-457-10748-9

«Мне повезло – меня судили за писательство. За слишком удачное изображение одного из героев. Его все узнали, поднялся скандал... Мой адвокат приложил немало усилий, чтобы убедить меня написать предуведомление – из тех, знаете, трусливых книксенов обывателю: «Любое совпадение имен, ситуаций, фактов...», – в которых приседают те, кто послабее хребтом. Я отказалась, и суд был назначен. Редкому писателю привалит такое счастье на творческом пути...»

ISBN 978-5-457-10748-9

© Рубина Д. И.
© Эксмо

Дина Рубина

Иерусалимцы

Четки

Мне повезло – меня судили за писательство. За слишком удачное изображение одного из героев. Его все узнали, поднялся скандал... Мой адвокат приложил немало усилий, чтобы убедить меня написать предуведомление – из тех, знаете, трусливых книксенов обывателю: «Любое совпадение имен, ситуаций, фактов...», – в которых приседают те, кто послабее хребтом. Я отказалась, и суд был назначен. Редкому писателю привалит такое счастье на творческом пути.

После того как меня судили и оправдали, я собралась написать когда-нибудь абсолютно вымышленную, фантазмагорическую повесть с невероятными, никогда не существовавшими людьми, с коллизиями, в которых только сумасшедший увидит посягательство на окружающую жизнь. И предварить эту бесстыдную выдумку такими словами:

«Все имена героев и события этого романа подлинны и документальны.

Автор готов подписаться под каждым словом всех этих ублюдков, кретинов, мошенников и карьеристов.

Автор не боится судебного иска, тюрьмы, ножа и удавки, людской благодарности и адава пекла, потому что наша прекрасная жизнь и есть – адаво пекло.

Автор ни черта не боится.

Автору наплевать».

И это была бы очень иерусалимская книжка.

Любой честный литератор относится к своей стране как к возлюбленной шлюхе, с которой нет сил расстаться. Я не исключение, но, кроме всех других нелепых привязанностей, у меня здесь есть Иерусалим.

Иногда вечером я выезжаю в центр Иерусалима... Еще не меркнет свет, но воздух уплотняется, а мерцающий мягкий известняк домов начинает отдавать жар дневного солнца... Свежеет... У меня поднимается вечно низкое давление и душа наполняется если не веселием, то, скажем так, оживлением...

Теплый весенний вечер в Иерусалиме, в районе Нахалат-Шива, на улице Йоэль Соломон...

Я выбираю где сесть – на крошечной площади, куда вынесены из траптории пять-шесть столов под клетчатými красно-белыми скатертями, – сажусь лицом к проходящей публике, заказываю кофе или пива и смотрю...

Писатель всегда – джентльмен в поисках сюжета. Всегда гонишься за хвостом фразы, за вибрацией голоса, за интонацией – боли, нежности, счастья... Хватаешь это и – в карман. Пусть полежит, это товар не скоропортящийся. Наоборот, его полезно настаивать, как рябиновку.

...И вот небо над крышами старого дома напротив становится цвета яблочной кожуры; над коньком крыши всплывает – в зависимости от недели месяца – либо турецкая туфелька, либо полнолунный диск, либо обсосанный кусок колотого сахара... Потом небеса густеют и неудержимо сливаются с цветом синих железных ставней, а сам дом начинает светиться и таять, как кубик рафинада в стакане чая.

Зажигаются фонари, и в этом театрально-желтом свете передо мной туда-сюда шляются туристы, влюбленные парочки, несколько городских сумасшедших, знаменитый одноногий нищий на костыле по кличке Капитан Сильвер, чокнутый русский юморист Юлиан

Безродный в майке и трусах, дети, наперсточники, чинные религиозные семьи, юные обалдуи и юркие карманники...

Если долго сидеть, то в какой-то момент начинает казаться, что ты присутствуешь на репетиции некой пьесы и придирчивый режиссер без конца гоняет по просцениуму одну и ту же массовку...

Вот плывет зеленая шляпка на даме по прозвищу Халхофа. Когда-то она подрабатывала экскурсоводом, водила туристов и, представляете, с этим своим акцентом рассказывала о распятии Иисуса: «Халхофа! О, Халхофа!»

– Мовсей, как вам известно, – говорила она, – был вхож на Синайскую хору к самому Хоспуду Боху! Теперь на многих объектах войти стоит денег, а в прошлом хаду я там хуляла безвозмездно... Круом были свежевырытые пространства. А тепер, видите, – вокрух клумбы, клумбы... розы со всех кончиков нашего мира. Фонтанчики пока безмолвствуют...

– Израильтянам до нашей культуры еще срать и срать! – это уже реплика из другого летучего разговора – толпа несется дальше, дальше... Русская речь булькает, шкворчит и пенится на общей раскаленной сковороде.

– ...Захожу в аптеку – обезболивающее купить. Она мне: «Молодой человек, вы говорите по-русски?» – «Да». – «Так перейдем на нормальный язык!»

Напротив, в витрине кафе-гриль, медленно крутится стеклянная этажерка. На каждой полочке этой кошмарной карусели, усевшись на гузку, свесив зажатые пулочки и скрепив на грудке крылышки, в задумчивости кружатся обезглавленные куриные тушки.

Вот в одном из окон второго этажа показалась заплывшая бородатая рожа (скульптор или художник – вторые этажи здесь, как правило, снимает под мастерские эта публика), волосатая ручища, звякая браслетами, протянулась к синему железному ставню и невозмутимо прикрыла его.

Через минуту этот тип спускается вниз, покупает в лавке газету «Гаарец», заказывает чашечку кофе и, облокотившись на стойку, минут тридцать пьет ее, балагурия с хозяином (я не слышу слов, но вижу поминутный посверк белых зубов в рыжей чаше).

Веселый, бородатый, в шортах, с икрастыми курчаво-прокопченными ногами, он похож на проказливого второстепенного греческого бога, и кажется, – только крылышек недостает его пыльным кибуцным сандалиям.

Вот ради этих считанных в году часов – прошу понять меня правильно – я здесь и живу...

Я наслаждаюсь. Потягивая пиво, неторопливо перебираю, – как старый араб-торговец перебирает четки своими тусклыми сафьяновыми пальцами, – скользящие за спину густые, тягучие, сдобренные тмином, кардамоном, корицей и ванилью минуты.

* * *

Многие из поклонников мною написанного люди не то чтобы сумасшедшие, но – с трудностями проживания в этом мире. Есть несколько неудачников-самоубийц. Время от времени (и довольно часто) кто-то из них мне звонит – посоветоваться насчет какой-нибудь очередной своей неудачи или просто пожаловаться на окружающий мир.

На днях часа полтора я говорила по телефону с одной молодой женщиной, которая когда-то кончала с собой, но выжила.

Не успела положить трубку – звонок. Губерман.

– Час не могу до тебя дозвониться!

– Я разговаривала с одной своей читательницей. Помнишь, с той, что выбрасывалась из окна.

– Скажи ей, чтоб никогда больше этого не делала, – заметил он устало. – Или пусть берет этажом выше.

* * *

Звонит юморист Юлиан Безродный:

– Я хочу подарить вам потрясающий сюжет для романа!

– Отчего бы вам самому не воспользоваться им, Юлиан?

– Я миниатюрист, как вы знаете. А это сюжет для грандиозного полотна. Да что там! – полагаю, вам этого на три романа хватит.

– Что же это за сюжет?

– История моей жизни!

– Понятно.

– Погодите!!! Что вы, собственно, обо мне знаете? Давайте встретимся, и вы будете потрясены!

После долгих препирательств я обреченно понимаю, что дешевле встретиться с этим милым, хотя и безумным человеком. Минут двадцать еще уходит на сварливое, даже скандальное выяснение – в порядке ли у меня диктофон и сколько кассет я должна приготовить для записи, – и на другой день мы уже сидим за столиком одного из баров на любимой мною улочке Йоэль Соломон. Я заказываю пиво и тост.

Юлиан долго проверяет мой диктофон, включает, выключает его, нажимая попеременно все кнопки. «Раз, раз... – настойчиво долдонит он, – раз, раз...»

Прокашливается, вслушивается в шелест бегущей пленки и наконец торжественно произносит:

– Самым счастливым днем в моей жизни был день, когда умер мой папа.

После этой фразы он умолкает и долго сидит, нахохлившись, ковыряя вилочкой скатерть.

– Это все? – наконец мягко спрашиваю я.

– Да, – говорит он. – Почему-то мне казалось, что я буду говорить долго, долго...

Я выключаю диктофон и пододвигаю к нему бокал.

– Пейте пиво, Юлиан, – говорю я ласково. – Вы действительно непревзойденный миниатюрист.

* * *

Звонит Губерман:

– А я вчера в суде был. Я ж два года без прав ездил. Просрочил и не заметил. Так вот, явились мы с Сашкой Окунем. Он подошел к бабе-прокурору. Она как увидела его – Сашка же у нас красавец, – рот раззявила и мгновенно была готова из прокуроров перейти в адвокаты и даже сесть на скамью подсудимых. Сашка кивнул на меня и сказал ей: «Посмотри на него, он поэт, у него голова в облаках».

Та взглянула на меня (а я только с самолета после российской поездки – рожа снулая, помятая) и говорит: «Вижу».

Он и к судье подкатывался с теми же баснями. Судья говорит – ладно, если признает свою вину, я не стану лишать его прав, ограничусь штрафом... Ну, и присудил 180 шекелей.

– Совсем немного! – заметила я.

– О чем ты говоришь! Я готовился уплатить полторы тыщи... Теперь разницу пропью.

* * *

Что касается правоохранительных органов – в их коридорах можно встретить уже много наших. Причем как по эту, так и по ту сторону закона.

Миша, следователь Иерусалимского полицейского управления, приходит утром на работу. Перед дверью его кабинета сидит здоровенный мужик лет шестидесяти, рубаха расстегнута, на ней пятно крови. Вся волосатая грудь в расстегнутом вороте – синего цвета. То есть татуировка безгранична. Рядом с ним стоит девица лет двадцати с синяком под глазом.

– Вы – Миша? – спрашивает мужик. – Нам до вас.

– Миша! – говорит девица надрывно-плаксиво. – Посадите меня в тюрьму, Миша! Посадите меня в тюрьму!

Миша открывает дверь и приглашает в кабинет мужчину.

Тот садится в кресло удобно, крепко, раскидисто, кивает в сторону коридора и говорит:

– Во! Видал?.. Воспитываешь дочь, растишь ее, лелеешь... А она папу – ножиком!..

Нет, вы, Миша, не подумайте, она хорошая девочка, я ее очень люблю. Но мне ж обидно – что она витворяет! Вчера привела козла вонючего... Мало, что он ростом ниже ее, он еще и кавказец... Когда она за второй подушкой вышла, я просунул голову в дверь спальни, говорю ему: «Если ты кавказский человек, ты меня поймешь». Он говорит: «Борис Львович, я вас понял». И ушел.

А наутро мы с ней посмотрели сериал, я говорю: «Шо, доця, налей-ка нам по стакану...» Выпили мы с ней, она вдруг говорит: «Ну, и до каких пор ты будешь блюсти мою нравственность?» Я говорю: «Давай, доця, еще по стакану выпьем». Она выпила и забыла тему... И вроде все тихо стало, но тут она принялась мене из гостинной музыкой выживать: «А ну, говорит, старый пидорас, вали в свою комнату, я здесь буду магнитофон слушать».

И вот это, Миша, мене достало! Я ж в нее жизнь вкладывал, я ж!.. «Доця, – говорю, – слово сказано, надо за него ответить... Я, – говорю, – третий месяц здесь живу и хочу о своей стране новости слушать в гостинной, не таясь. Я хочу знать – шо в стране происходит...» Вот скажите, Миша, почему у женщины, которая нас записывала, три звездочки на погоне, а у вас только одна?

Миша объяснил, что это не звездочка, а листик дуба, объяснил, что это означает.

– Видите, все же знать надо... – удовлетворенно замечает мужчина.

Девица влетает в кабинет и с порога:

– Посадите меня в тюрьму, Миша, посадите меня, суку, в тюрьму! Я так переживаю, так переживаю, я так папу люблю!

– Любишь, что ж ты папу ножиком в живот пырнула?

Девица вдруг меняется в лице:

– Да?! А вот это видел?! – отводит длинные волосы с шеи, на которой обнажается синяя линия – стронгуляционный след.

Перемена декораций: выясняется, что папа душил ее проводом от магнитофона. («Ты у меня послушаешь музыку, щас ты у меня услышишь фанфары!») Когда, говорит она, все перед глазами поплыло и в ушах звон начался, она уцепилась за холодильник и наверху вдруг нащупала ножик...

– Да шо ему делается! – плаксиво говорит она. – Вон он какой жирный, я ж ему только жир колупнула. Ничего с ним не станется!..

Крепко сбитая, смуглая, румяная, она чуть не прыскает вся от соков, в ней бродящих.

– А чего, – говорит, – он лезет в мою жизнь! Все гуляют! И я буду! Вон Райка с солдатом за мороженое переспала, и я буду!

* * *

Несколько особенностей отличают нашу страну от всех остальных. И главная – это резервистская служба мужчин на протяжении чуть ли не всей активной их гражданской жизни. Ты можешь быть врачом, ученым, музыкантом, бизнесменом – даже миллионером! – но раз в году ты получаешь повестку, надеваешь форму, берешь оружие и исполняешь мужской солдатский долг. Можете вообразить, какое количество смешных и даже гротескных ситуаций порождает – на общем драматическом фоне! – эта наша государственная особенность.

Да, в этой пестрой стране основной фон декораций – защитного цвета.

Три резервиста, отпущенные на субботу, лежат на весенней травке в Саду Роз, неподалеку от кнессета. На газете перед ними остатки только что съеденного солдатского пайка – банки из-под тушенки, скорлупки от яиц. Они лежат, беседуют – о чем могут беседовать сорокапятилетние отцы семейств? – о расходах на свадьбу дочери, о банковских ссудах, о растущих ценах на бензин...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.